

Токарева Ольга Владимировна

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ И ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Данная статья посвящена различиям между английским и русским языками в сфере функционирования смежных категорий одушевленности и рода/гендера, а также трудностям, возникающим при переводе англоязычных текстов с актуализованными значениями рода/гендера на русский язык. В современном английском языке грамматический род отсутствует, вследствие чего англоязычные авторы могут свободно приписывать предмету или явлению гендер в рамках приема персонификации. В тех случаях, когда приписываемый гендер и грамматический род русского существительного, используемого в качестве переводческого соответствия, не совпадают, возникает гендерный конфликт, в результате которого может произойти потеря дополнительного смысла, что проиллюстрировано на примере перевода романа Эммы Донохью "Комната".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 179-183. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

20. **Ситуационная и личностная детерминация дискурса** / под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 384 с.
21. **Слово в действии: интен-анализ политического дискурса** / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.
22. **Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969-1972: сборник документов** / Мин-во иностранных дел Российской Федерации, Гос. Департамент США. М.: Международные отношения, 2007. Т. 1. 1969 – май 1972. Книга 2. Январь – май 1972. 624 с.
23. **Сорокин Ю. А.** Введение в этнопсихоллингвистику: учеб. пособие. Ульяновск: Ульяновск. гос. ун-т, 1998. 138 с.
24. **Тарасов Е. Ф.** Языковое сознание // Вопросы психоллингвистики. 2004. № 2. С. 34-47.
25. **Ушакова Т. Н.** Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 13-24.
26. **Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И.** Интен-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 98-109.
27. **Harre R.** Discursive psychology // Rethinking psychology. L., 1995. P. 143-159.

METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF USING INTENT ANALYSIS WHEN STUDYING DIPLOMATIC DISCOURSE

Terentii Liviu Mikhailovich, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Moscow International Academy
info@mmamos.ru

The article opens a series of publications devoted to investigating intentional structure of diplomatic discourse; the author discusses methodological problems arising when studying diplomatic discourse using the conceptual apparatus of psycholinguistics. The paper argues for the usage of intent analysis method to identify pragmatic context of this type of successful discourse. Moreover, the researcher justifies the choice of empirical material, identifies the operational unit of the research, and describes the stages of intent analysis.

Key words and phrases: diplomatic discourse; methodology of linguistic research; speech generation; psycholinguistics; intent analysis.

УДК 811.111:81'255

Данная статья посвящена различиям между английским и русским языками в сфере функционирования смежных категорий одушевленности и рода/гендера, а также трудностям, возникающим при переводе англоязычных текстов с актуализованными значениями рода/гендера на русский язык. В современном английском языке грамматический род отсутствует, вследствие чего англоязычные авторы могут свободно приписывать предмету или явлению гендер в рамках приема персонификации. В тех случаях, когда приписываемый гендер и грамматический род русского существительного, используемого в качестве переводческого соответствия, не совпадают, возникает гендерный конфликт, в результате которого может произойти потеря дополнительного смысла, что проиллюстрировано на примере перевода романа Эммы Донохью «Комната».

Ключевые слова и фразы: английский язык; русский язык; проблемы перевода; одушевленность; род; гендер; персонификация.

Токарева Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
ov-tokareva@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ И ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В лингвистической науке существует множество определений категории одушевленности/неодушевленности. В широком смысле ее можно определить как лексико-грамматическую категорию, которая показывает, мыслится ли сущность, обозначаемая языковой единицей, как относящаяся к антропосфере, зоосфере или к сфере неодушевленных объектов [9].

В английском языке одушевленность выражена рядом суффиксов существительных, но в первую очередь она обнаруживает себя в соотношении с некоторыми местоимениями (например, *she (он), himself (сам)*), что позволяет охарактеризовать категорию одушевленности/неодушевленности как коррелятивную. В русском языке данная категория находит свое отражение в падежной парадигме имен существительных и является не только коррелятивной, но и согласовательной, что можно проследить по формам определений (*вижу маленького котенка, но вижу высокий дом*).

Сема «живое/неживое» выявляется не только в значениях имен существительных, но и в значениях других частей речи и проявляется на синтаксическом уровне во взаимодействии существительного с контекстом. Например, в русском языке существительные «ветер» и «сосна» являются неодушевленными, однако в строке

из стихотворения Андрея Белого «И ветер вздохнул над уснувшей сосной» [3, с. 353] окружение «наводит» семы одушевленности на существительные.

Исследователи отмечают, что категория одушевленности/неодушевленности реализует не столько объективное знание о наличии живых и неживых предметов, сколько о предметах, которые представляются человеком как живые и неживые [10]. Например, сосна – это объект живой природы с точки зрения науки, однако с точки зрения русского языка деревья являются неодушевленными предметами. Другими словами, категория одушевленности/неодушевленности отражает антропоцентрическую установку человеческого мышления и характеризуется интерпретативностью.

Значение одушевленности прототипически связано с человеком и высшими животными. Как следствие, оно предполагает дальнейшую возможность отнесения референта имени к сущностям мужского или женского пола, что находит свое отражение в смежных категориях рода и гендера (биологического пола, отображенного в языке) [9].

Впервые фактор биологического пола в языке возник при осмыслении категории грамматического рода в эпоху Античности [8]. Первооткрывателем категории рода считается древнегреческий мыслитель Протагор, который, как свидетельствует Аристотель, первым стал различать три рода имен: мужской, женский и вещный [1].

Существует несколько теорий относительно возникновения категории рода. Первая, символическо-семантическая теория, гласит, что грамматический род возник под влиянием природной данности – наличия людей разного пола. Эта гипотеза долгое время являлась господствующей [8].

Со временем символическо-семантическая гипотеза стала подвергаться критике, и стал разрабатываться морфологический подход, согласно которому грамматический род – чисто механическая категория, обусловленная внешней формой слов [6]. Символическо-семантическому подходу также противопоставлен синтаксический подход, согласно которому род – это совокупность формальных классов существительных, используемая для синтаксической связи слов в предложении средствами согласования [1].

Несмотря на появление подходов, отличающихся от символическо-семантического, лингвисты признают, что категория рода способна влиять на восприятие и осмысление человеком различных слов и объектов. Человеку свойственно приписывать объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода – свойства лиц мужского пола. Так, например, грех (*die Sünde* – ж.р.) в немецком сознании ассоциируется с женщиной, однако носителей других языков подобная ассоциация может удивлять. Роман Якобсон в статье под названием «О лингвистических аспектах перевода» писал о том, что И. Е. Репина в свое время озадачило изображение греха на картинах немецких художников в виде женщины [11]. Таким образом, «грамматический род имени оказывает влияние на восприятие действительности и активизирует в сознании фреймы, связанные с концептом биологического пола» [8, с. 39].

В то время как категории одушевленности/неодушевленности и гендера функционируют и в русском, и в английском языке, подавляющее большинство лингвистов считают, что в английском языке на его современном этапе развития род как грамматическая категория отсутствует. В русском же языке данная категория является неотъемлемой частью языковой системы [2]. Это различие между двумя языковыми системами потенциально способно вызвать трудности при переводе текстов, в которых задействован прием персонификации. Основная трудность, с которой переводчик может столкнуться в процессе работы с подобными текстами, – конфликт между двумя языковыми системами в плане отображения гендера.

В русском языке гендер персонифицированных существительных коррелирует с родом. Например, *смерть* – существительное женского рода, и русскоговорящим людям хорошо знаком аллегорический образ смерти, представленной в виде старухи с косой, что напрямую связано с родовой принадлежностью данного слова. Однако в английском языке гендер приписывается путем соотнесения предмета или явления с местоимением *he* (он) или *she* (она) относительно свободно, исходя из установки конкретного автора, хотя и наблюдаются случаи более или менее устойчивого соотнесения (прежде всего в фольклорных произведениях), где можно говорить о сложившейся лингвокультурной традиции [5].

Рассмотрим следующие примеры:

Таблица 1.

Сопоставление гендера персонифицированных английских существительных и рода их эквивалентов в русском языке

Wind	he	ветер	м.р.
Ocean		океан	
Fear		страх	
Sun		солнце	
River	she	река	ж.р.
Love		любовь	
Death		смерть	
Moon		луна	
Nature	природа		
Hope	надежда		
Mercy	милосердие	ср.р.	

Примерно в половине случаев в парах существительных, представленных в Таблице 1, можно наблюдать несовпадение английского гендера и русского грамматического рода, что потенциально способно вызвать трудности и потери при переводе с одного языка на другой. Если вернуться к примеру со словом *смерть*, русский образ старухи с косою вряд ли будет понятен англоговорящему человеку, поскольку в литературе на родном для него языке денотату, обозначаемому словом *Death*, приписывается мужской гендер. Вряд ли он будет понятен и носителю немецкого языка, поскольку в немецком слово *смерть* (*der Tod*) имеет мужской род.

Довольно ярко проиллюстрировать межъязыковой гендерный конфликт позволяет сопоставление современного произведения художественной литературы (романа Эммы Донохью «Комната») и его опубликованного перевода на русский язык. Рассмотренные нами ранее примеры являются образцами аллегорического приписывания гендера, однако в романе «Комната» читатель сталкивается с особой, наивной картиной мира, отображенной в языке рассказчика. Им выступает пятилетний мальчик, который родился и провел все пять лет жизни в стенах одной комнаты. Находящиеся в комнате предметы концептуализируются в сознании рассказчика как одушевленные сущности, разделенные на две группы по гендерному признаку. О наличии данного разделения свидетельствует употребление рассказчиком местоимений *he* и *she* вместо неодушевленного *it* для описания предметов.

Всего из текста было отобрано порядка 30 примеров, в которых референтами местоимений *he* и *she* являются предметы. Далее мы рассмотрим ряд примеров и попробуем выявить принцип, по которому производится гендерное разделение в оригинальном тексте, а также сопоставим данные примеры с опубликованным переводом на русский язык. Начнем рассмотрение с примеров, в которых происходит актуализация мужского гендера.

1. *«Is it **Bad Tooth**?» I ask. **He's** on the top near the back of her mouth, **he's** the worst [12].*

– *Что, опять зуб заболел? – спрашиваю я. Этот зуб у нее наверху, в конце челюсти, он самый плохой (здесь и далее перевод Е. Ламановой) [7].*

Как показывает широкий контекст романа, денотат, обозначенный словосочетанием *Bad Tooth*, характеризуется тем, что он способен причинить боль. В данном примере наблюдается совпадение рода задействованного в переводе существительного («зуб») и актуализованного в авторском тексте гендера.

2. *I jump onto Rocker to look at **Watch**, **he** says 07:14 [12].*

Я запрыгиваю на кресло-качалку, чтобы посмотреть на часы. Они показывают 7:14.

Денотат, обозначенный словом *Watch*, активен, ведет с рассказчиком своеобразный диалог. При переводе данного предложения на русский язык произошла нейтрализация гендера из-за использования слова «часы», относящегося к разряду *plurality tantum*.

3. *Ma leans out of Bed to switch on **Lamp**, **he** makes everything light up whoosh [Ibidem].*

Ма свешивается с кровати и включает лампу. Со звуком вуш вся комната освещается.

Денотат, обозначенный словом *Lamp*, также является активным и обладает способностью изменять окружающую обстановку. В данном примере род переводческого соответствия «лампа» и гендер, приписываемый денотату в оригинальном тексте, не совпадают.

4. ***Eggsnake** is more longer than all around Room, we've been making **him** since I was three, **he** lives in Under Bed all coiled up keeping us safe [Ibidem].*

Яичная змея длиннее всей нашей комнаты. Мы начали делать ее, когда мне было три; она живет под кроватью, свернутая в кольца, чтобы ей не вздумалось нас укусить.

Денотат, обозначенный словом *Eggsnake* (игрушка, сделанная из яичных скорлупок), описывается как активное, опасное существо. В данном примере, как и в примере 3, наблюдается гендерный конфликт между родом существительного, задействованного в качестве переводческого соответствия, и приписываемым денотату гендером.

Следующие примеры объединяет то, что объекты, представленные в них, определяются рассказчиком как носители женского гендера.

5. *I look down at **Rug** with **her** red and brown and black all zigging around each other [Ibidem].*

Я смотрю на ковер, весь в красных, коричневых и черных зигзагах.

Денотат, обозначенный словом *Rug*, представляет собой пассивный, неподвижный предмет. В данном примере наблюдается совпадение рода русского существительного в переводном тексте и приписываемого денотату гендера в оригинальном тексте.

6. *Ma chooses Trampoline, it's just me that bounces on **Bed** because Ma might break **her** [Ibidem].*

Ма выбирает трамплин, но на кровати прыгаю я, поскольку Ма может ее сломать.

Денотат, обозначенный словом *Bed*, также является неподвижным. Кроме того, это «слабый» предмет (его можно сломать). В данном примере гендер, приписываемый денотату в оригинальном тексте, и род переводческого соответствия «ковер» не совпадают.

7. ***Plant** used to live on Table but God's face burned a leaf of **her** off [Ibidem].*

Цветок раньше жил на столе, но лицо Бога сожгло у него лист.

Денотат, обозначенный словом *Plant*, как и денотат в примере 6, характеризуется слабостью. Контекст предложения показывает, что на данный объект было оказано внешнее негативное воздействие. При сопоставлении оригинального и переводного текстов выявляется гендерный конфликт.

8. *I open **Refrigerator**, **she** doesn't have much inside [Ibidem].*

Я открываю холодильник, но там почти ничего нет.

Денотат, обозначенный словом *Refrigerator*, представляет собой неподвижный предмет, вместилище содержимого. Как и в двух предыдущих примерах, наблюдается несовпадение гендера, приписываемого денотату в оригинальном тексте, и рода переводческого соответствия.

Представленные в примерах 1-4 объекты объединяет то, что все они обладают свойством активности. Некоторые из них также могут представлять собой опасность. Для объектов, представленных в примерах 5-8, характерны признаки пассивности, неподвижности, хрупкости. Анализ примеров 1-8 позволяет сказать, что рассказчик приписывает гендер находящимся в комнате предметам на основании наличия у них признаков активности или же пассивности. Отметим, что данная бинарная оппозиция лежит в основе символическо-семантической теории возникновения категории рода в языке.

Сопоставление гендера предметов в оригинальном тексте и рода существительных, использованных при переводе, представлено в Таблице 2:

Таблица 2.

**Сопоставление гендера персонифицированных существительных
в романе Эммы Донохью «Комната» и рода их переводческих соответствий
в опубликованном переводе на русский язык**

Bad Tooth	he	зуб	м.р.
Watch		часы	pluralia tantum
Lamp		лампа	ж.р.
Eggsnake		яичная змея	
Bed	she	кровать	ж.р.
Rug		ковер	м.р.
Plant		цветок	
Refridgerator		холодильник	

Лишь в двух примерах из восьми наблюдается совпадение гендера предметов в оригинальном тексте и рода существительных в переводном тексте. Это позволяет сделать вывод о случайном характере совпадений, а также о том, что переводчик во время работы над текстом стремился при выборе переводческих соответствий в первую очередь сохранять авторское предметное значение, а не актуализованный гендер. Однако анализ приведенных выше примеров показывает, что актуализация гендера в авторском тексте далека от произвольной, но русскоязычный читатель не видит, как рассказчик делит свой замкнутый мир комнаты на активную и пассивную стороны, поскольку переводчик отказался от передачи гендера в переводном тексте. Мы полагаем, что данной потери при переводе можно было избежать, поскольку проблема межъязыкового гендерного конфликта не является неразрешимой, хотя исследователи отмечают, что универсальных решений данной проблемы не существует, и что каждый случай межъязыкового гендерного конфликта необходимо рассматривать отдельно [13].

Выбор переводчика может быть сделан в пользу сохранения гендера с отступлением от авторского предметного значения, как это произошло, например, в случае с басней Эзопа «Стрекоза и муравей». В русский язык она пришла опосредованно – И. А. Крылов позаимствовал сюжет у Лафонтена, переложившего, в свою очередь, эзоповскую басню на французский лад. В оригинале олицетворением легкомыслия и беззаботности – качеств, стереотипически приписываемых женщинам, – является кузнечик. Во французском языке слово «кузнечик» имеет женский род, однако при сохранении предметного значения при переводе на русский язык произошло бы искажение общего смысла произведения, и Крылов в своей басне заменил лафонтеновского кузнечика стрекозой. Как отмечает Л. С. Выготский, «адекватная передача всей полноты смысла требовала непременно сохранения грамматической категории женского рода для героини басни» [4, с. 281]. В английской же версии басни за счет относительно свободного приписывания рода необходимость использования переводческой замены не возникла.

Однако не всегда такое решение оказывается достаточным. При рассмотрении примеров из романа «Комната» видно, что даже в тех случаях, когда гендер объекта совпадает и в русском, и в английском языке, одушевленность в русском переводе не была отражена. В таких случаях видится целесообразным использование в позиции предиката слов, отмеченных семой одушевленности.

Необходимо отметить, что с проблемой передачи значений одушевленности и гендера при переводе сталкиваются не только переводчики с английского на русский язык, но и переводчики, работающие с парой языков, в которой оба языка обладают категорией рода. Таких пар языков немало, что делает проблему межъязыкового гендерного конфликта достаточно распространенной. При решении данной проблемы, как видится, целесообразным будет использование замен и компенсационных средств, требующих от переводчика значительных креативных усилий.

Список источников

1. Аксенов А. Т. К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 14-25.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. 3-е изд-е. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 231 с.

3. **Белый А.** Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / сост., предисл. В. М. Пискунова; коммент. С. И. Пискуновой, В. М. Пискунова. М.: Республика, 1994. 559 с.
4. **Выготский Л. С.** Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2008. 350 с.
5. **Гуревич В. В.** Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 168 с.
6. **Даниленко В. П.** Ономазиологическое направление в грамматике. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. 347 с.
7. **Донохью Э.** Комната [Электронный ресурс] / пер. с англ. Е. Ламановой. URL: <http://e-libra.ru/read/335282-komnata.html> (дата обращения: 10.07.2017).
8. **Кирилина А. В.** Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.
9. **Петрова Е. С.** Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. М.: Академия, 2011. 365 с.
10. **Попова О. В.** Когнитивные истоки родовой категоризации в системе личных местоимений английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2007. Вып. 4 (67). С. 5-10.
11. **Якобсон Р. О.** О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16-24.
12. **Donoghue E.** Room [Электронный ресурс]: A Novel. URL: <http://e-libra.ru/read/357341-room:-a-novel.html> (дата обращения: 10.07.2017).
13. **Studzińska J.** Translating Personification Across Gendered Languages [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/4042959/Translating_Personification_Across_Gendered_Languages (дата обращения: 10.07.2017).

ACTUALIZATION OF ANIMATENESS AND GENDER CATEGORIES IN THE ENGLISH TEXT AND LOSSES WHEN TRANSLATING INTO RUSSIAN

Tokareva Ol'ga Vladimirovna
Saint Petersburg University
ov-tokareva@mail.ru

The article identifies the differences between English and Russian concerning the functioning of related categories of animateness and gender, the author considers the difficulties arising when translating English texts with the actualized gender meanings into Russian. In the modern English language there is no grammatical gender, and the English authors can freely ascribe gender to a subject or phenomenon within personification technique. When the ascribed gender and grammatical gender of the Russian noun used as a translation equivalent do not coincide gender conflict occurs causing the loss of additional meaning which is illustrated by the example of translating the novel by Emma Donoghue “Room”.

Key words and phrases: English language; Russian language; translation problems; animateness; grammatical gender; gender; personification.

УДК 811.111

Данная статья посвящена отклонениям от языковой нормы в сфере употребления таких относительных местоимений английского языка, как “who” и “whose”, и механизмам, вызывающим данные отклонения. Показано, что в узусе границы нормы употребления местоимения “who” расширяются, позволяя использовать его для описания представителей различных классов животных, а также в качестве средства грамматической стилистики при описании неодушевленных предметов, в то время как в случае с местоимением “whose” наблюдается сужение границ нормы до области, включающей только живых существ.

Ключевые слова и фразы: английский язык; местоимения; норма; узус; персонификация; антропоморфизм.

Токарева Ольга Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
ov-tokareva@mail.ru

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ПОТЕНЦИАЛ К АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ

Относительные местоимения в английском языке – это тот класс слов, употребление которых в речи характеризуется определенными колебаниями. Кроме того, структура данного класса слов является в некоторой степени асимметричной. Эти свойства относительных местоимений послужили отправной точкой для более детального их рассмотрения в рамках данной статьи.

К относительным местоимениям в английском языке относятся местоимения *which*, *that*, *who*, а также падежные формы *whom* и *whose*, использование которых регулируется характером антецедента, а именно его одушевленностью/неодушевленностью. В различных изданиях, затрагивающих вопросы грамматики английского языка, выражаются схожие взгляды на их употребление. Рассмотрим ряд формулировок в качестве примера.